

**В апелляционную инстанцию
Московского городского суда**

Истец:

Зяблицев Сергей Владимирович,
адрес для корреспонденции:
111 BD. DE LA MADELEINE CS 91036
06004 NICE CEDEX France
Domicile N°5257
Электронная почта
bormentalsv@yandex.ru

Средства видеосвязи
Тел/ватсап. + 33 6 95 99 53 29
Skype **bormentalsv**

в интересах своих и незаконно
перемещенных детей
Зяблицева Андрея Сергеевича и
Зяблицева Егора Сергеевича

Ответчик:

Зяблицева Галина Александровна,
адрес : г. Балашиха, ул. Карбышева,
д.19, кв.21 Россия
Тел. +7 926 729 91 02, +7 925 855 93 31
Эл. адрес : zyablitsevaga@gmail.com

Третьи лица :

Тверская межрайонная прокуратура
proktvr@mosproc.ru

Управление опеки и попечительства
Балашихи balashiha-opeka@mail.ru

ДОПОЛНЕНИЕ № 1 К АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ЖАЛОБЕ

на решение судьи Тверского районного суда г. Москвы Коротовой Е. Г. по делу
№2-3966/2020 от 21.12.2020 об отказе в возвращении детей в порядке Конвенции
о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей и главы 22.
ГПК РФ.

«решения не имели **никакой правовой основы** и не содержали **никакой связи** между установленными фактами, применимым правом и исходом разбирательства, что составило, по сути, **«отказ в правосудии»** (§ 27 **Постановления от 09. 04.13 г. по делу «Andelkovic v. Serbia»**, тот же смысл в **Постановлении Суда по интеллектуальным правам от 26.11.13 г. по делу № А56-15871/2013**).

1. Конфликт интересов – основная деятельность Тверского районного суда г. Москвы

28.01.2021 я попросил Петренева Р. М. приехать в Тверской районный суд г. Москвы и перефотографировать полностью дело, так как в личном кабинете не было ни одного документа по делу **кроме моих собственных**, никаких судебных актов мне не было выслано, несмотря ни на требования закона, ни на мои требования.

Однако, судья Коротова Е.Г., злоупотребляя должностным положением, преследуя умысел и далее препятствовать моему и детей доступу к правосудию, заставила его ждать в течение более часа, а затем **отказала** ему выдать материалы дела, снизойдя выдать лишь решение от 21.12.2020.

В итоге мне затруднено обжалование, так как я не имею доступа ко всем томам дела, с нумерацией листов. Это делает невозможным ссылки на конкретные доказательства согласно номерам листов, а также мне неизвестно вообще какие доказательства были в деле к 21.12.2020. Однако, это имеет существенное значение, так как согласно «видеозаписи» судья огласила лишь некоторые документы, большую часть документов она просто перелистывала и в итоге я не имею представления даже о том, какие мои документы были приобщены, а какие нет. Например, я направлял через ТРИ суда (Тверской райсуд г. Москвы, Московский городской суд, Второй кассационный суд) ходатайства и свидетельские показания лиц, свидетельствующих как о месте проживания семьи во Франции, так и о моей заботе о детях. Я не услышал **даже упоминания об этих документах**, в личном кабинете их нет. Также я вообще не услышал в аудиозаписи никаких своих доводов, аргументов, возражений на отзыв ответчицы, который был ранее мною представлен дважды (так как ее отзыв был дубликатом отзыва от 22.05.2020 и «возражениями на апелляционную жалобу») и ссылок на международную практику по вопросу судебного разбирательства (приложения 8-10)

То есть, если их нет в деле, то речь идет о фальсификации доказательств по делу ТРЕМЯ судами или Тверским райсудом г. Москвы. Но я лишен права это увидеть, проверить и обоснованно обвинить суд (ы).

Также я лишен права увидеть доказательства **надлежащего уведомления** меня обо всех судебных заседаниях, что особенно важно, так как в каждом протоколе каждого судебного заседания сфальсифицировано «надлежащее уведомление».

Очевидно, что отказ предоставить материалы дела по истечении 5 недель после принятия решения при 10-дневном сроке обжалования указывает на **процессуальные нарушения судьи** - неготовность дела к дате принятия решения. Однако, такое нарушение могло быть допущено по последнему тому. На каком основании судья отказала в перефотографировании предыдущих томов? Очевидно, чтобы скрыть от меня фальсификации суда.

Вывод из всех вышеизложенных фактов следует один : судья нарушала права истца и представителя детей, что указывает на незаконный и пристрастный состав суда.

Итак, создание конфликта интересов – это основная деятельность судьи Коротовой Е.Г. в данном деле, что есть **результат** отказа в правосудии со стороны Московского городского суда и Второго кассационного суда, которые отказались рассматривать вопрос незаконной подсудности дела данному суду и его подсудности апелляционной инстанции.

2. Вопиющий отказ в правосудии

Решение от 16.06.2020 Тверского районного суда г.Москвы было **отменено** апелляционной инстанцией Московского городского суда по причине **подмены** судьей Молитвиной Т.А. предмета рассмотрения дела в рамках Гаагской Конвенции (*которая требует защиты родителя, право которого на опеку, в том числе в части решения о месте проживания детей, было самоуправно нарушено другим родителем*) на рассмотрение вопроса права опеки в рамках российского законодательства (надлежащие условия проживания и развития детей, возраст и т.п.)

20.08.2020 апелляционная коллегия Московского городского суда **установила нарушения** судьи Молитвиной Т.А., Тверской межрайонной прокуратуры, Балашихинского органа опеки, которые по **своему усмотрению изменили** предмет иска, не применили Гаагскую конвенцию, не исследовали доказательств истца, освободили ответчицу от бремени **доказывания законности своих действий на момент перемещения детей** :

При рассмотрении обстоятельств, указанных в настоящей статье, судебные и административные органы принимают во внимание информацию, относящуюся к социальному положению ребенка, предоставленную Центральным органом или другим компетентным органом государства постоянного проживания ребенка (статья 13 Конвенции).

Таким образом, суду с учетом всех имеющихся в деле доказательств, включая тех, что представлены компетентными органами Республики Франции, следовало установить, какая именно страна являлась местом постоянного проживания детей на момент пересечения ими границы Российской Федерации в апреле 2019 года, нарушено ли было право опеки истца в смысле указанной Конвенции при перемещении детей, то есть имелись ли признаки хищения детей применительно к нормам Конвенции.

Однако, решение суда не содержит суждений по этим вопросам, в том числе относительно того, где постоянно проживали дети на момент, когда они были ввезены на территорию России их матерью в апреле 2019 года, осуществлял ли Зяблицев С.В. свои родительские права в юридически значимый период времени в отношении своих детей.

Доказательства, представленные истцом в обоснование своих требований по указанным выше вопросам, не получили какой-либо оценки в судебном акте.

....

Также суд не учел особенностей распределения бремени доказывания по настоящему делу, принимая во внимание, что в силу статьи 13 Конвенции, несмотря на положения предыдущей статьи, судебный или административный орган запрашиваемого государства не обязан предписывать возвращение ребенка, если лицо, учреждение или иная организация, выступающие против его возвращения, докажут, что:

а) лицо, учреждение или иная организация, осуществлявшие заботу о ребенке, фактически не осуществляли свои права опеки на момент

перемещения или удержания ребенка или дали согласие на его перемещение или удержание или впоследствии не выразили возражений против таковых; или

б) имеется очень серьезный риск того, что возвращение ребенка создаст угрозу причинения ему физического или психологического вреда или иным образом поставит его в невыносимые условия.

В данном случае дело было рассмотрено в отсутствие Зяблицевой Г.А., органов опеки и попечительства, на которых законом возложена обязанность представлять указанные выше доказательства, и без исследования и установления самим судом наличия таких обстоятельств.

Подобное нарушение, связанное с игнорированием юридически значимых обстоятельств, допущенное Тверским районным судом города Москвы, не может быть устранено судом апелляционной инстанции без отмены решения суда и направления дела на новое рассмотрение, имея в виду, что иное означало нарушение гарантий сторон на судебную защиту их прав и свобод (часть 1 статьи 46 Конституции РФ).

.....

В данном случае такое нарушение допущено судом первой инстанции, поскольку, как уже было отмечено выше, в нарушение статьи 39 Гражданского процессуального кодекса РФ Тверским районным судом города Москвы не рассмотрены заявленные Зяблицевым С.В. требования в рамках Конвенции. Вместо этого решение суда содержит выводы об определении места жительства детей с матерью, когда такой иск никем не заявлен.

....

В результате предмет судебной проверки (о похищении детей в свете критериев Конвенции) отсутствует.

Таким образом, при наличии оснований для отмены решения суда, задачи гражданского судопроизводства диктуют необходимость направления дела в указанной части на новое рассмотрение в тот же суд и в ином составе суда.

21.12.2020 судья Тверского районного суда г.Москвы Коротова Е.Г. **переписала** решение Молитвиной Т.А. и ни на что более сложное у нее «квалификации» не хватило. В итоге она определила место проживания детей с матерью, потому что она им создала «хорошие условия проживания» в понимании самой Коротовой Е. Г., которая не знает, что дети имеют право на опеку отца и лишены матерью этой опеки с 18.04.2019, что не является хорошими условиями, а является **психическим насилием над детьми и самоуправством, жертвой которого являются дети.**

Представитель Тверской межрайонной прокуратуры повторила слово-в-слово речь прокурора в протоколе от 16.06.2020, орган опеки как отсутствовал 16.06.2020, так отсутствовал и 21.12.2020, ограничившись предоставлением им все **того же акта обследования** жилого помещения от 20.03.2020 и своего мнения в рамках спора о праве на опеку от той же даты.

То есть все установленные апелляционной инстанцией нарушения, а также укрытые ею же, **ПОВТОРИЛИСЬ**, так как было нарушено право на законный и беспристрастный состав суда, **о чем я писал и предупреждал в кассационной жалобе.**

- 2.1 В связи с этим апелляционной коллегии надлежит рассмотреть мои апелляционные жалобы на решение от 11.06.2020, **так как их доводы не нашли отражения ни в одном судебном акте**, вся практика международных правозащитных органов **проигнорирована всеми судьями**, нигде не упоминается в их решениях, также как Обзор практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 декабря 2019, что **указывает на правовой беспредел и судебную коррупцию.**

О таком судопроизводстве можно сказать только одно: имеет место недостижимый стандарт доказывания, так как не имеют значения никакие доказательства и доводы, законы, конвенции, они исключаются судьями в интересах той стороны, **которую они обслуживают.**

В данном деле председатель Тверского суда Солопова О. Н. (организатор правового хулиганства), судьи Молитвина Т.А. и Коротова Е.Г. действовали в интересах совершившей и продолжающей совершать уголовные преступления (ст. 156, 330 УК РФ, 227-7, 227-8, 227-9 УК Франции) матери – ответчицы :

- по дискриминационному признаку (женская «солидарность» и **стандартное** понимание, что дети **должны проживать с матерью**)

Либо

- по коррупционному (по «договоренности», на что ответчица способна по моему личному опыту проживания с ней)

Я полностью исключен из производства по делу, все мои доводы и доказательства – **это глас вопиющего в пустыне**. То есть мои дети находятся в опасности, так как похищены в коррупционное государство, которое ВСЕ законы использует лишь как ШИРМУ, которая придает вид существования судебной власти, вместо которой, в действительности, действуют группы лиц, попирающие закон и получающие за это содержание от Казны.

Итак, решение от 21.12.2020 **преюдициально незаконно** согласно апелляционному определению Московского городского суда от 20.08.2020.

3. **Очередной отказ применять Конвенцию о гражданско- правовых аспектах международного похищения детей**

- 1) Отказ осознавать, что место обычного проживания (habituel) по Конвенции подразумевает место законного проживания семьи в течение более года на территории страны на социальных условиях, предоставляемых жителям государства.

Местом жительства детей является **место жительства их родителей** (независимо ни от гражданства, ни от страны). Таким местом жительства 18.04.2019 была Франция (адрес указан в иске), дети зарегистрированы с родителями по месту проживания во Франции с 20.03.2018 по 18.04.2019, дети зарегистрированы со мною, отцом, во Франции по настоящий момент - 2021, что доказывает их незаконное перемещение ответчицей 18.04.2019, нарушение ею **моего права на опеку**.

Обсуждение в заседании гражданства, срока и условий проживания в России **до вывоза** детей из Франции, **после вывоза** детей из Франции, не имеет правового значения для предмета доказывания, что я повторяю с 10.01.2020 и что, наконец, было указано в апелляционном определении от 20.08.2020.

Также не имеет правового значения все, что связано с правом на опеку, осуществляемым ответчицей **после** похищения детей, за исключением последствий похищения для нарушения права на опеку отца. Но судья подробно выслушивала и зачитывала доводы об актуальной жизни детей в России, приобщала **не имеющие к делу документы** ответчицы (ее доходы, мои «задолженности по алиментам», ее место актуального проживания в России, регистрации в России, гражданства) и **полностью исключила доводы и доказательства** нарушения прав детей и отца на опеку отца **после самоуправного** (без решения суда и без письменного согласия отца) вывоза детей Зяблицевой Г. А. с места проживания семьи.

Очевидно, это результат очередной неподготовки к судебному разбирательству, отсутствия соответствующего определения и неопределения **предмета доказывания и средств доказывания, что уже было предметом апелляционного обжалования** бездействия и незаконных действий Тверского районного суда г. Москвы по делу 2-1661/2020.

А предмет доказывания был :

- Место проживания семьи и срок проживания семьи ДО перемещения детей (Франция, более года) – *приложения 1- 6, 6.4, 6.5, 10-13.*
- Наличие/отсутствие письменного согласия отца на перемещение детей с места осуществления опеки или решение суда о месте проживания детей с матерью – *таких документов не существует.*
- Опасность для детей при проживании во Франции с отцом в случае возврата к отцу: видеозаписи жизни детей с отцом во Франции и общение детей с отцом по видеосвязи 18.12.2020, свидетельства разных лиц как проживающих во Франции, так и в России исключают какую-либо опасность– *приложения 1-18 к приложению 8, 10.*

Ничего этого не было определено судьей и ничего этого не было сделано в судебном заседании. Поэтому она меня исключила из дела полностью : с целью закрыть мне рот и не напоминать о ее обязанностях в рамках предмета доказывания.

- 2) Однако, материалы дела доказывают, что семья выехала из России 18.03.2018 по **совместному решению для проживания** во Франции, где была обеспечена всеми социальными правами лиц, проживающих на территории Франции (жилье, детский сад, медицинское обслуживание, спортивные секции, социальная помощь). Этот вопрос - **совместного решения** - вообще не анализировался судьей, хотя он **являлся решающим по делу**, так как доказывал, что определение места проживания детей во Франции принимали ОБА супруга. Ответчица **подтвердила** это обстоятельство согласно смонтированной «видеозаписи» заседания от 21.12.2020.(приложения 10-13)
- 3) **Право опеки оба родителя осуществляли на территории** Франции до **самовольного** вывоза детей ответчицей 19.04.2019 или 20.04.2019 с места проживания семьи. Ответчица оспаривала голословно самовольность вывоза в заседании, утверждая, что я давал согласие. Однако, письменного моего согласия она не представила. Я же обращался в ОФИИ и в полицию уже 18.04.2019 с требованиями не допустить вывоз моих детей с территории Франции, вернуть их в квартиру нашего проживания, что подтверждает мою постоянную позицию о самоуправстве ответчицы в отношении детей. Я не возражал против ее отъезда, готов был решать вопрос о месте проживания детей через французский суд, чему воспрепятствовала ответчица и ОФИИ, организовавшее ей **стремительный** отъезд в нарушение французских законов, в том числе.

Нарушение моего права на опеку **самовольным** перемещением детей 18.04.2019 суд вообще не рассматривал. То есть основной предмет по Конвенции **утонул в болтовне и сплетнях** о том, какой плохой истец и какая хорошая ответчица.

Итак, ответчица не доказала, что вывезла детей с **места совместной опеки** по моему письменному разрешению или по решению суда. Следовательно, решение судьи не соответствует Конвенции – право на опеку отца было нарушено самоуправно и имеет место хищение детей.

- 4) Суд установил и ответчица подтвердила, что семья жила на территории Франции **более года**. Следовательно, решение судьи **не соответствует** Конвенции, когда она отрицает очевидное, утверждая, что не доказано место постоянного (обычного) проживания семьи во Франции **до** перемещения детей. Дети по 2021 год юридически продолжают проживать на территории Франции вместе с отцом с 20.03.2018. Это доказывает их самоуправное перемещение матерью с места обычного проживания (*приложения 1-5, 6.4, 6.5, 10-13*)
- 5) Условия проживания детей во Франции задокументированы мною и представлены в суд в **виде фотографий и видеозаписей**: они не были предметом исследования, что «видеозапись» заседания доказывает. Однако, судья огласила свидетельства директора французского детского сада и тренера по дзюдо, которые детям и отцу давали хорошую характеристику и не давали никакой характеристики матери, так как ни разу ее не видели (*приложения 13, 14 к иску*).

При этом я повторно поднимаю вопрос об уничтожении судами моих доказательств – свидетельств людей, наблюдавших меня в качестве отца и характеризующих только с положительной стороны (*приложения 1-18 к приложению 8 от 11.07.2020, направленных в ТРИ суда*) (*приложения 7-10*) Я требую установить их местонахождение и причины не приобщения к материалам дела, которые, очевидно, коррупционные, либо приобщения и неисследования, неотражения в протоколе и решении.

- 6) Ложь ответчицы о якобы насилии с моей стороны и причинении травм детям я уже ранее опровергал, представляя возражения на **изъятый** Тверским районным судом отзыв представителя ответчицы от 22.05.2020 и на ее «возражения» против моей апелляционной жалобы 11.07.2020, списанные с этого отзыва (*приложение 8 – повторно приобщаю, так как не знаю, что приобщено, а что изъято из дела*)

Я не слышал, чтобы судья их оглашала в заседании, исследовала и задавала вопросы ответчице в связи с расхождением в ее обвинениях и представленных мною доводах.

Например, ранее она **писала**, что я бросил **чашку** в приступе агрессии и попал в лицо Егору, отчего под глазом у него была травма. Я опроверг эту ложь, представив сканы из телефона с сообщениями ответчицы, писавшей мне, что дети игрались и Андрей поранил Егора машинкой. В скане видна та же фотография Егора с той же травмой, только фотография имеет зеркальное отображение. Однако, 21.12.2020 ответчица, которая **не помнит**, что и когда фальсифицировала вместе со своим представителем, сообщает, что я в приступе агрессии **бросил складной стульчик и попал Егору в лицо, отчего получилась такая травма**. Надо заметить, что ни стульчиком, ни чашкой такой травмы причинить **невозможно**, а металлической машинкой возможно, так как на фото видна рана с ровными краями и острыми углами-то есть имеется **порез по сути**, что могло быть от острой части

металлической машинки, но не могло быть от чашки и стульчика (приложение 8 п. 6).

- 7) То же самое касается «голодания детей» и нехватки денежных средств: нет никаких вопросов судьи к ответчице по этой теме, хотя ее заявления не соответствуют представленным мною доказательствам покупки ею себе телефона на семейные деньги стоимостью 1 300 евро и **расчета доходов семьи** во Франции и в России, которые явно не в пользу России. В Ницце невозможно голодать, так как имеются места раздачи еды, куда любой может приходиться 3 раза в день и получать еду (даже документов о доходах не требуется). Это официальная политика властей департамента. Аналогичным образом раздавались новогодние подарки семьям или **любым иным лицам** в аналогичных точках действия ассоциаций. Поэтому заявления о «голоде» во Франции не выдерживают никакой критики – это явный бред.
- 8) Также судья не смогла дать оценки тем сканам переписки ответчицы со своей якобы сестрой от апреля 2019, из которой следует, что только накануне переписки, то есть в **апреле 2019** я забрал карточку ОФИИ себе по причине неразумных трат ответчицей семейных денег. То есть она фактически сообщает, что деньгами распоряжалась сама вплоть до апреля 2019 и что именно факт ограничения мною ее трат в ущерб семье стал причиной истерики и **ее личного желания выехать в Россию к «финансовой свободе»**. И пока она ее обретает в банке, мои дети ею отданы государству на воспитание, а право отца на опеку она лично полностью аннулировала в нарушение законов. Вот так следует оценивать **мотив** перемещения ответчицей детей из Франции в Россию. В чем тут был интерес детей?
- 9) «Сказки» Зяблицевой Г.А. о том, что семья проживала после приезда во Францию в аэропорту неделю, а затем 2 месяца спали на полу в церкви, является очевидной ложью, которую я не мог опровергнуть в судебном заседании из-за того, что судья не обязала ответчицу представить все свои доводы в письменном виде и заблаговременно и не обеспечила мое участие в заседании любым способом любой видеосвязи.

В действительности, до предоставления нам жилья ОФИИ мы жили с 27.03.2018 в студии, которую я снял у русскоговорящей семьи, а уже 11.04.2019, то есть **в день регистрации прощения об убежище префектурой**, ОФИИ нам предложило жилье (приложения 3-5)

- 10) Две травмы, о которых говорила в заседании Зяблицева Г.А., были причинены детям **в мое отсутствие**, но зато когда **она с ними сидела дома**. Поэтому они доказывают не опасность возвращения детей к отцу, а опасность их оставления с матерью. Причем, не только в физическом плане, но и психологическом: они живут в атмосфере лжи и безнравственности.

Тот факт, что я отсутствовал в судебном заседании по вине Государства Россия, которое во всех инстанциях отказалось выполнять свои международные обязательства и организовать видеосвязь с судом Франции, готовым ее предоставить, позволил Зяблицевой Г. А. и ее представителю лить ложь в мой адрес безответственно и безбоязненно, а судье воспринимать эту ЯВНУЮ ложь с доверием по причине незнания и неисследования материалов дела.

- 11) По вопросам и репликам судьи было понятно, что материалы дела она ДО заседания не изучала, а в заседании она их не исследовала. Следовательно, она не могла принять никакого **решения к концу заседания** по вопросу опасно ли детям возвращаться к отцу или им опасно оставаться с матерью, неуравновешенной, эгоистичной, истеричной, лживой, грубой, считающей детей своей собственностью и даже свою любовь к детям, которую я не отрицаю, проявляющейся исключительно паралогически, в своих интересах, **в ущерб правам и интересам детей**.

То есть, как обычно, нарушение одного права (участие в заседании) влечет нарушение других прав (состязательность и равноправие сторон, быть выслушанным, на справедливое судебное разбирательство).

Несмотря на ложь и клевету ответчицы и ее представителя в мой адрес, судья Коротова Е.Г. **не обосновала** свое решение явной сфальсифицированной стороной ответчицы опасностью для детей возврата к отцу. В деле представлены десятки моих доказательств ПРЕКРАСНОЙ жизни детей во Франции с отцом : это не рассказы заинтересованных сторон, **а видеозаписи реальной жизни детей** : сытых, хорошо одетых, с массой игрушек, гуляющих с отцом часами, катающимися с отцом на велосипедах, в прицепе к велосипеду, в магазинах, в поезде, на море.

К заседанию 21.12.2020 я направил видеозапись общения с детьми, которую наконец-то, организовала ответчица под давлением предстоящего суда. Но Тверской районный суд г. Москвы отказался приобщать мою позицию и не исследовал эту **видеозапись, которая очень многое доказывает**. (приложение 6.6)

Например, она доказывает то, что после 21 месяца **изоляции детей от отца** матерью, они меня помнят, любят, хотят со мною общаться и никакого барьера между нами нет, кроме матери-эгоистки. Если бы отец был таким, как его разрисовывает ответчица-мать, то дети бы, очевидно, меня боялись, были бы скованы, старались стереть из памяти все, что неприятно. Но дети хотят общения, спрашивают меня **почему я не звоню каждый день**, хотя именно мать препятствует нашему ежедневному общению, что орган опеки, вызванный в суд, должен был бы подтвердить на основании всех моих обращений.

При этом я отмечу вред, причиненный матерью детям. Младший сын Егор был вывезен **от отца** в возрасте, когда он начинал говорить. А так как с детьми **общался** больше я, чем мать, то Андрей прекрасно развит, отлично разговаривает, общителен, а Егор имеет проблемы с речью (отмечено в характеристике детского сада). Это связано именно с тем, что **развитием** детей, постоянными **разговорами** с ними **занимался я, а не мать**. Андрей это успел впитать и развить, а Егор нет.

Итак, возврат детей не предоставляет никакой опасности для них, напротив. Все «опасности» изобретены ответчицей как **единственный шанс** не выполнять Конвенцию о международном похищении детей. Я повторяю то, что повторял ранее неоднократно в рамках дела 2-1661/2020: нет обращений в полицию Франции, нет обращений в суд Франции, нет обращений в ОФИИ Франции – нет доказательств опасности для детей, есть клевета, фальсификации доказательств, представленных в очередной российский суд.

Если бы семейный судья французского суда пришел к выводу, что детям лучше проживать с матерью, то мать имела бы право вывезти детей на **свое место проживания**. Но такого решения нет и она даже не пыталась его получить, поэтому объективно имеет место злоупотребление правами со стороны матери.

Я писал об этом в рамках первого рассмотрения дела, я написал об этом к 21.12.2020. Но невозможно добиться от судей быть **ВЫСЛУШАНЫМ**.

- 12) Итак, основной вывод судьи Коротовой Е.Г. заключается в игнорировании понятия в соответствии с Конвенцией «место постоянного проживания», хотя этому понятию я уделил много внимания с момента подачи иска (*например, приложение 8 п.6*)

Представленные истцом доказательства не могут свидетельствовать о том, что местом постоянного проживания несовершеннолетних является Франция. Причины, послужившие основаниям для выезда семьи из Российской Федерации, не свидетельствуют о невозможности возвращения ответчика и несовершеннолетних в Российскую Федерацию, а также о том, что Франция являлась местом постоянного проживания детей в апреле 2019 года, т.е. на момент пересечения границы Российской Федерации.

Как раз напротив, ВСЕ представленные документы доказывают однозначно место постоянного (обычного в точном переводе - *habituelle*) проживания семьи во Франции ПЕРЕД самоуправным перемещением их матерью. То есть решение противоречит представленным доказательствам и свидетельствует о неправильном толковании термина «постоянное проживание», применяемое в Конвенции.

Конвенция на французском языке содержит терминологию :

Article 3

Le déplacement ou le non-retour d'un enfant est considéré comme illicite :

- a) lorsqu'il a lieu en violation d'un droit de garde, attribué à une personne, une institution ou tout autre organisme, seul ou conjointement, par le droit de l'Etat dans lequel l'enfant avait sa résidence **habituelle** immédiatement avant son déplacement ou son non-retour ;

<https://www.hcch.net/fr/instruments/conventions/full-text/?cid=24>

Перевод :

habituelle

- 1) привычный, обычный, стандартный, традиционный, постоянный, всегдашний, обыденный, обыкновенный (*normal, usuel, conventionnel, régulier, ordinaire*)
- 2) обычно
- 3) текущий (*courant*)

Понятие **обычного места проживания** отражено в законодательстве Франции – это место, где человек проживает **более года**, что соответствует понятию в Конвенции.

Article L317-1 du Code de l'entrée et du séjour des étrangers et du droit d'asile

*L'étranger qui, après avoir résidé en France sous couvert d'une carte de résident, a établi ou établit **sa résidence habituelle hors de France** et qui est titulaire d'une pension contributive de vieillesse, de droit propre ou de droit dérivé, liquidée au titre d'un régime de base français de sécurité sociale, bénéficie, à sa demande, d'une carte de séjour portant la mention " retraité ". Cette carte lui permet d'entrer en France à tout moment pour y effectuer des séjours n'excédant pas un an. Elle est valable dix ans et est renouvelée de plein droit. Elle n'ouvre pas droit à l'exercice d'une activité professionnelle.*

Le conjoint du titulaire d'une carte de séjour " retraité ", ayant résidé régulièrement en France avec lui, bénéficie d'un titre de séjour conférant les mêmes droits.

Перевод :

Статья L317-1 Кодекса въезда и пребывания иностранцев и права на убежище

*Иностранец, проживавший во Франции по удостоверению резидента, определил или определяет свое **обычное место жительства за пределами** Франции и имеющий пенсию по старости по собственному или производному праву, выплачиваемую в соответствии с французской базовой системой социального обеспечения, получает по его просьбе вид на жительство с надписью "пенсионер", которая позволяет ему **въезжать во Францию в любое время для пребывания не более одного года**. Она действительна десять лет и возобновляется с полным правом. Она не дает права на профессиональную деятельность.*

Повторяю из приложения 5 :

«Приведу еще Постановление ЕСПЧ от 18.06.2019 "Дело "Владимир Ушаков (Vladimir Ushakov) против Российской Федерации" (жалоба N 15122/17) 9 в качестве опровержения довода представителя ответчицы о месте постоянного проживания, отсутствия оснований для возврата детей :

2. Понятия "место обычного проживания ребенка" и "незаконность перемещения или удержания ребенка" "

64. Статья 3 [Гаагской конвенции] в целом представляет собой одно из ключевых положений Конвенции, поскольку реализация механизма [настоящей] Конвенции по возвращению детей обусловлена ее применением. Действительно, обязанность вернуть ребенка возникает только в том случае, если его перемещение или удержание считаются незаконными по смыслу Конвенции.

66. ...Понятие "[место] обычного проживания" [является] устоявшейся концепцией, сложившейся на Гаагской конференции, которая рассматривает его **исключительно как вопрос факта, в отличие от места постоянного проживания**.

68. Первым источником, упомянутым в статье 3, является законодательство, поскольку указано, что опека "может возникнуть... в соответствии с законом".

Это позволяет нам подчеркнуть одну из характеристик данной Конвенции, а именно ее применение к защите прав опеки, которые осуществлялись до принятия какого-либо решения по ним. Это важно, так как нельзя забывать о том, что, с точки зрения статистики, количество случаев, **когда ребенок был перемещен до принятия решения по опеке над ним, довольно велико**. Кроме того, у родителя, лишённого прав опеки, практически отсутствует возможность вернуть ребенка в таких обстоятельствах, кроме как в рамках Конвенции, если только он, в свою очередь, не прибегает к силе, что в любом случае причиняет вред ребенку.

71. ...С точки зрения Конвенции, перемещение ребенка одним из лиц, осуществляющих совместную опеку над ним, без согласия другого лица является в равной степени незаконным, и такая незаконность вытекает в данном случае не из каких-либо действий, нарушающих конкретный закон, а из того факта, что такие действия **не учитывают права другого родителя, которые также защищены законом, и препятствуют их нормальному осуществлению**. Истинный характер [Гаагской] Конвенции проявляется наиболее четко в данных ситуациях: она не устанавливает лицо, которому будет принадлежать право опеки над ребенком в определенный момент в будущем, и не связана с ситуациями, в которых может потребоваться изменить решение об установлении совместной опеки на основании впоследствии изменившихся фактов. Проще говоря, она стремится к тому, чтобы предотвратить принятие более позднего решения по данному вопросу под влиянием изменения обстоятельств, вызванного односторонними действиями одной из сторон".

88. Следовательно, Европейский Суд должен установить, было ли оспариваемое вмешательство "необходимо в демократическом обществе" по смыслу пункта 2 статьи 8 Конвенции, толкование которому дано в свете соответствующих международных документов, а также было ли при достижении баланса между рассматриваемыми конкурирующими интересами уделено надлежащее внимание интересам ребенка в пределах усмотрения, предоставленного государству по данным вопросам. Для этого Европейский Суд анализирует доводы городского суда, приведенные в его решении.

89. Европейский Суд отмечает, что в соответствии со статьей 3 Гаагской конвенции **перемещение** или удержание ребенка рассматривается как незаконное, если "они **осуществляются с нарушением прав опеки, которыми было наделено какое-либо лицо..** в соответствии с законодательством государства, в котором ребенок **обычно проживал до его перемещения** или удержания" (см. выше § 43).

90. В Пояснительном комментарии к Гаагской конвенции указано, что понятие "**место обычного проживания**" является **исключительно вопросом факта**, в отличие от места постоянного проживания. В нем также подчеркивается, что с точки зрения Гаагской конвенции перемещение ребенка одним из лиц, осуществляющих совместную опеку над ним, без согласия другого лица является в равной степени незаконным. Такая незаконность вытекает не из каких-либо действий, нарушающих конкретный закон, а из того **факта, что подобные действия не учитывают права другого родителя, которые также защищены законом, и препятствуют их нормальному осуществлению**. В Пояснительном комментарии далее уточняется, что реализация механизма Гаагской конвенции по возвращению детей полностью зависит от того, считается ли перемещение или удержание ребенка незаконным по смыслу указанной конвенции, и что в отсутствие незаконности перемещения или удержания не возникает обязанности по возвращению ребенка (см. выше § 44).

93. Европейский Суд также отмечает, что вывод городского суда о том, что перемещение ребенка в Российскую Федерацию и его удержание на территории Российской Федерации не были незаконными ввиду отсутствия вступившего в законную силу решения судов Финляндии об определении места жительства В. с заявителем в Финляндии, противоречит очевидному смыслу статьи 3 Гаагской конвенции, который следует из ее текста, Пояснительного комментария и общепризнанной практики (см. выше § 89, а также Постановление Европейского Суда по делу "Монори против Румынии и Венгрии" (Monory v. Romania and Hungary) от 5 апреля 2005 г., жалоба N 71099/01, § 81). В связи с этим Европейский Суд отмечает, что даже в отсутствие вступившего в законную силу решения судов Финляндии по вопросам опеки и места жительства ребенка в соответствии с законодательством Финляндии заявитель и И.К. **были наделены правом совместной опеки над ребенком, которое они оба фактически осуществляли** (см. выше §§ 8 и 68). Далее Европейский Суд констатирует, что вывоз ребенка в Российскую Федерацию и удержание ее там И.К. произошли без ведома заявителя и **без его согласия, что нарушало его защищенные законом права и препятствовало их нормальному осуществлению**. Следовательно, представляется, что положения применимого права в настоящем деле были истолкованы и применены таким образом, который сделал бессмысленным отсутствие согласия заявителя на отъезд В. в Российскую Федерацию и на ее последующее пребывание на ее территории для постоянного проживания (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу "R.S. против Польши", § 67).

94. Вышеуказанные фактические составляющие, которые не оспариваются сторонами (см. выше § 33), как правило, являются достаточными, чтобы прийти к выводу о том, что вывоз В. из Финляндии, государства, в котором она обычно проживала непосредственно перед своим вывозом, был незаконным с точки зрения Гаагской конвенции. При этом в соответствии с Гаагской конвенцией возникло бы обязательство по возвращению В. в Финляндию.

95. Европейский Суд также отмечает, что, несмотря на отказ признать Финляндию местом обычного проживания В. и установить, что вывоз В. представлял собой нарушение Гаагской конвенции, городской суд с самого начала не отклонял применимость статьи 3 Гаагской конвенции (вопреки утверждению властей Российской Федерации, как указано выше в § 63), а приступил к рассмотрению вопроса о том, будет ли возвращение В. противоречить ее интересам, и пришел к выводу, что состояние здоровья девочки составляло исключение из требования такого возвращения в порядке применения пункта "b" статьи 13 Гаагской конвенции.

96. Европейский Суд напоминает, что его задача состоит не в том, чтобы вместо компетентных органов государства - участника Конвенции устанавливать наличие серьезного риска того, что ребенку будет причинен какой-либо вред по смыслу статьи 13 Гаагской конвенции в случае его возвращения в Финляндию. Тем не менее Европейский Суд может установить, **обеспечили ли суды государства - участника Конвенции при применении и толковании положений Гаагской конвенции гарантии, предусмотренные статьей 8 Конвенции, особенно с учетом соблюдения наилучших интересов ребенка (см. выше § 81)**.

97. Европейский Суд отмечает, что против возвращения девочки выступала ее мать, И.К. Следовательно, она должна была привести и обосновать какие-либо потенциальные утверждения о конкретных рисках в соответствии с пунктом "b" статьи 13 Гаагской конвенции (см. выше § 44). Хотя указанное положение Гаагской конвенции не определяет точный характер "серьезного риска", который может предполагать не только "физический или психологический вред", но и "невыносимые условия", его нельзя истолковать в свете статьи 8

Конвенции как охватывающее все неудобства, неизбежно связанные с возвращением ребенка. **Данный риск также не может быть вызван исключительно разлукой с родителем, который несет ответственность за неправомерный вывоз или удержание ребенка.** Исключение, предусмотренное пунктом "b" статьи 13 Гаагской конвенции, касается только ситуаций, которые выходят за рамки того, что ребенок, согласно разумным ожиданиям, может перенести (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "X против Латвии", § 116, Постановление Европейского Суда по делу "Момуссо и Уошингтон против Франции" (Maumousseau and Washington v. France) от 6 декабря 2007 г., жалоба N 11 39388/05, §§ 69 и 73, а также упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу "К.Ж. против Польши", §§ 64 и 67).

104. Принимая во внимание обстоятельства дела в целом, Европейский Суд приходит к выводу, что толкование и применение положений Гаагской конвенции городским судом не обеспечили гарантии, предоставленные статьей 8 Конвенции, что вмешательство в право заявителя на уважение его семейной жизни не было "необходимо в демократическом обществе" по смыслу пункта 2 статьи 8 Конвенции, и что власти Российской Федерации не выполнили свои позитивные обязательства в соответствии со статьей 8 Конвенции, чтобы обеспечить право заявителя на уважение его семейной жизни.

3. Исключения из требования немедленного возвращения ребенка в соответствии с пунктом "b" статьи 13 Гаагской конвенции "

34. ... [Исключения] из правила, касающегося возвращения ребенка, должны применяться только в меру необходимости, но не более того. Прежде всего это означает, что их следует толковать ограничительно, чтобы Конвенция не оказалась существующей лишь на бумаге... Практическое применение данного принципа требует, чтобы подписавшие Конвенцию государства были убеждены в том, что, несмотря на свои различия, они принадлежат к одному и тому же правовому сообществу, в котором органы власти каждого государства признают, что органы власти одного из них, а именно государства обычного проживания ребенка, в принципе находятся в лучшем положении для решения вопросов опеки и доступа. Таким образом, систематическое обращение к указанным исключениям, заменяющее юрисдикцию, выбранную похитителем, на место проживания ребенка, приведет к разрушению всей структуры Конвенции, лишив ее духа взаимного доверия, который является ее вдохновением.

113. ... Исключения [в статьях 13 и 20] не применяются автоматически в том плане, что они не всегда приводят к удержанию ребенка; тем не менее сама природа таких исключений предоставляет судьям свободу усмотрения, но не налагает на них обязанность отказывать в возвращении ребенка при определенных обстоятельствах.

114. Что касается статьи 13, то во вступительной части первого абзаца подчеркивается, что **бремя доказывания фактов**, изложенных в подпунктах "a" и "b" указанной статьи, возлагается на лицо, выступающее против возвращения ребенка...

116. Исключения, содержащиеся в пункте "b" [статьи 13], касаются ситуаций, когда международное похищение ребенка действительно имело место, но когда возвращение ребенка будет противоречить его интересам... Каждый термин, использованный в данном положении, является результатом хрупкого компромисса, достигнутого в ходе обсуждений в рамках Специальной комиссии, и остается без изменений. Таким образом, из отклонения в ходе

Четырнадцатой сессии предложений в пользу включения прямого положения о том, что на данное исключение нельзя ссылаться, если возвращение ребенка может причинить ущерб его экономическим или образовательным перспективам, нельзя сделать вывод a contrario о том, что исключения следует толковать широко...".

Российские суды не могут в данном деле неправильно толковать Конвенцию, так как они обязаны ее толковать в свете разъяснения Европейского суда по правам человека.

На основании изложенного незаконность вынесенного решения носит преюдициальный характер и оно подлежит безусловной отмене.

4. Обеспечение пересмотра дела законным составом суда

На основании изложенного прошу рассмотреть ВСЕ отводы Тверскому районному суду г. Москвы по делу 2-1661/2020 и 2-3966/2020 в совокупности, дать оценку системности незаконных действий и нарушении прав моих и детей, в том числе, системное неуведомление о судебных заседаниях и необеспечение в них участвовать никаким образом, **и пересмотреть дело по правилам суда первой инстанции в апелляции законным и беспристрастным судом, которым я не считаю Московский горсуд по основаниям, изложенным в кассационной жалобе, оставленной без рассмотрения Вторым кассационным судом.**

Приложения, полученные мною после заседания, либо не приобщенные судом первой инстанции своевременно или изъятые из материалов дела :

1. Удостоверение просителя убежища 2021 год с детьми, доказывающее юридическое постоянное проживание детей с отцом на территории Франции с 11.04.2018 по 12.07.2021 (3 года 3 месяца) и незаконный их вывоз от отца 18.04.2019
2. Декларация домицилирования во Франции 2020-2021 годы
3. Аренда квартиры в Ницце 27.03.2018 для семьи
4. Расписка арендодателя в принятии залога за жилье
5. Уведомление ОФИИ о предоставлении жилья с 11.04.2019
6. Позиция от 21.12.2020 с приложениями 6.1-6.6
7. Скан личного кабинета с отказом приобщать позицию от 21.12.2020 месяц спустя по сфальсифицированным судом основаниям.
8. Комментарии на возражения представителя ответчицы против моей апелляционной жалобы от 11.07.2020, поданные через личный кабинет
9. Скан личного кабинета с отказом через 12 дней приобщать комментарий с приложениями сфальсифицированным судом основаниям
10. Скан личного кабинета с регистрацией всех характеристик на отца Вторым кассационным судом 10.09.2020

Копия дополнения 1 к апелляционной жалобе направлена участникам процесса в электронном виде после предоставления решения суда от

21.12.2020 – 28.01.2021 - скан приложен.

Подпись истца

Зяблицев

06.02.2021